

ЭМИГРАНТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА: ФОРМИРОВАНИЕ, РАЗВИТИЕ, НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ¹

© 2024 г. Е.Р. Пономарев

Аннотация: Статья состоит из двух частей. В первой предлагается обзор развития эмигрантики от первых публикаций произведений писателей-эмигрантов в советское время и возникшего в 1990-е гг. широкого общественного интереса к русской эмиграции — до систематического изучения культуры эмиграции в 2000–2010-е гг. За 30 лет эмигрантика прошла несколько этапов развития, выработала ряд важных исследовательских стратегий, совершила экспансию от русской эмиграции к изучению национальных эмиграций из Российской империи и СССР. В силу обилия материала обзор концентрируется на научных институтах, изучающих эмиграцию, и научных сериях, посвященных соответствующей проблематике. Во второй части автор предлагает три различных определения эмигрантики на современном этапе: в узком значении, широком значении и глобальном значении — и намечает перспективы развития каждой из эмигрантик. Так или иначе, по мнению автора, эмигрантика подошла моменту превращения в отдельную научную дисциплину.

Ключевые слова: русская эмиграция, литература русской эмиграции, история изучения эмиграции, эмигрантика, эмигрантология, русское зарубежье.

Информация об авторе: Евгений Рудольфович Пономарев — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А,

¹ Предварительная краткая версия этой работы была опубликована в журнале «Новое литературное обозрение» (2022. № 6 (178). С. 378–396.) под заглавием «Эмигрантика за тридцать лет: От возникновения до расцвета». Настоящая работа существенно переработана и значительно дополнена новым материалом.

стр. 1, 121069 г. Москва, Россия; профессор, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, наб. р. Фонтанки, д. 15, 191011 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

Для цитирования: Пономарев Е.Р. Эмигрантика как научная дисциплина: формирование, развитие, новейшие тенденции // *Emigrantica*. М.: ИМЛИ РАН, 2024. Вып. 1: Памяти Олега Анатольевича Коростелева / ред.-сост. Е.Р. Пономарев, науч. ред. Е.Р. Пономарев, М. Шруба, ред. М.С. Щавлинский, Д.В. Зайцев. С. 14–53.

<https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-14-53>

Research Article

This is an open access article Distributed under the Creative Commons Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

EMIGRANTICA AS A RESEARCH DISCIPLINE: FORMATION, DEVELOPMENT, AND LATEST TRENDS

© 2024. Evgeny R. Ponomarev

Abstract: The article is divided into two parts. The first one is an overview of the emigrantica development from the first publications of emigrant writers in the Soviet era and the wide public interest in Russian emigration that arose in the 1990s to the systematic study of emigration culture in 2000s–2010s. For 30 years, emigrantica has gone through several stages, worked out a number of research strategies, expanding from the Russian emigration studies to the study of national emigration from the Russian Empire and the USSR. Due to the abundance of material, the review focuses on the institutes, studying emigration, and research edition series devoted to relevant issues. In the second part of the research the author offers three different definitions of modern emigrantica: the narrow one, the broad one, and the global one. Then he outlines the prospects for the development of each type of emigrantica. According to the author, emigrantica has approached the moment of transformation into a separate scientific discipline.

Keywords: Russian emigration, Russian émigré literature, Russian emigration studies, emigrantica, emigrantology, Russia abroad.

Information about the author: Evgeny R. Ponomarev, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bldg. 1, 121069 Moscow, Russia; Professor, F.M. Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy, 15 Fontanka river emb., 191011 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5508-6532>

E-mail: eponomarev@mail.ru

For citation: Ponomarev, E.R. "Emigrantica as a Research Discipline: Formation, Development, and Latest Trends." *Emigrantica*. Issue 1: In memory of Oleg Korostelev, ed.-comp. E.R. Ponomarev, ed. E.R. Ponomarev, M. Schrub, ed. M.S. Shchavinskii, D.V. Zaitsev. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 14–53. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/Emigr.3034-3518-2024-1-14-53>

Изучение русской эмиграции ожидаемо стало одним из основных дискурсов постсоветской гуманитарной науки. Процесс постепенного освобождения гуманитарного знания от государственной идеологии (начавшийся еще в эпоху оттепели, продолжавшийся в определенных рамках в брежневский период, активизировавшийся в перестройку и завершившийся в начале 1990-х гг.) представляет собой исключительный интерес и по большому счету до сих пор не изучен. Исследования в области эмигрантики прошли все указанные этапы. Сначала об эмиграции заговорили литературоведы, затем историки, философы, культурологи. Не удивительно, что и сегодня в исследованиях эмиграции приоритет принадлежит литературоведам.

О литературе эмиграции регулярно упоминала советская периодика и советская публицистика — иногда приводя два-три конкретных примера. Чаще всего назывались имена нескольких писателей первого ряда, покинувших Россию после революции (И.А. Бунин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский; последний во второй половине XX в. получил клеймо коллаборанта и перестал упоминаться даже в научной литературе), иногда к ним добавлялись иные имена (Г.В. Иванов, А.Н. Вертинский). Утверждалось, что все сделанное этими людьми в эмиграции — повторение задов, упрощение «художественных достижений» дореволюционной поры, продукт злобы и

ненависти, а также тоски по Родине. Никакого серьезного анализа, разумеется, эти упоминания не предполагали. Литературоведческое изучение творчества эмигранта было одним из идеологических табу.

Начало научному изучению литературы эмиграции (пока весьма и весьма дозированному) положило разрешение на публикацию эмигрантских сочинений крупных писателей, физически или виртуально вернувшихся в Советский Союз. Во второй половине 1950-х гг. в 6-томном собрании сочинений были напечатаны многие произведения А.И. Куприна, созданные в эмиграции. Такое же разрешение было дано и для произведений И.А. Бунина — сыграла роль Нобелевская премия (до 1958 г. он был единственным русским лауреатом Нобелевской премии по литературе; после 1958 г. во многом воспринимался более «нашим» лауреатом, чем Б.Л. Пастернак), а также сочиненный в конце 1940-х — начале 1950-х гг. миф о том, что только старость и болезни не позволили Бунину вернуться в СССР [28]. Сначала в 5-томном собрании сочинений, вышедшем в 1956 г., а затем в 9-томном собрании сочинений, вышедшем в 1965–1967 гг. (подготовленном на значительно более высоком уровне — большим научным коллективом, выполнившим серьезную текстологическую работу и написавшим важные для советского читателя комментарии), были опубликованы практически все известные на тот момент произведения Бунина — за исключением «Окаянных дней». В ряде текстов — там, где бунинский текст затрагивал политических деятелей («Освобождение Толстого») или нарушал советские представления о нравственном («Темные аллеи»), были сделаны купюры.

Вслед за публикацией текстов стали появляться научные работы (сначала статьи, а потом диссертации и монографии), посвященные творчеству Бунина и творчеству Куприна. Мережковский как идейный противник революции, поддерживавший фашизм, не был разрешен к публикации и подвергся забвению. Все прочие писатели-эмигранты (включая Владимира Сирина — В.В. Набокова) считались незначительными и никогда не упоминались в печати. В научных работах о Куприне и Бунине по-прежнему господствовала мысль об идейно-художественном упадке эмигрантского творчества, что хорошо иллюстрируется формулировками тем диссертаций и заглавиями книг: «Художественная проза И.А. Бунина (1887–1904)» (кандидатская диссертация Т.М. Бонами; Москва, 1963), «Проза И.А. Бунина 1914–1917 годов» (кандидатская диссертация О.В. Сливичкой; Харьков, 1970), «И. Бунин и его проза (1887–1917)» (монография Н.М. Кучеровского; Тула, 1980). В самом конце книги О.Н. Михайлова «И.А. Бунин: Очерк творчества» (М., 1967), вы-

шедшей в издательстве «Наука» под грифом «Академии наук СССР», появляется небольшая главка «Эмиграция» (занимает 23 страницы, дореволюционному творчеству посвящены предшествующие 139 страниц; еще 11 страниц посвящены последним годам жизни писателя). В ней встречаются редчайшие для советских книг упоминания З.Н. Гиппиус, А.Т. Аверченко, И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева, П.М. Бицilli, М. Алданова, И. Одоевцевой. Эти проблески эмигрантики (к неизвестным именам добавлялась информация о жизни русской эмиграции в Париже) компенсировались общей тенденцией главы: «Дореволюционное наследие Бунина по своему диапазону значительно уступает его предреволюционным произведениям. Ничего равного “Деревне” и “Господину из Сан-Франциско” с точки зрения их социальной значимости в эмиграции писатель не создал. Вместе с тем очевидна поэтическая познавательная ценность его поздних рассказов и повестей» [27, с. 153].

Интересно, что в первой советской биографии Бунина «И.А. Бунин: Материалы для биографии (с 1870 по 1917 гг.), написанной А.К. Бабореко и вышедшей в 1967 г., активно цитируются книга В.Н. Муромцевой-Буниной «Жизнь Бунина» и «Грасский дневник» Г.Н. Кузнецовой, присланные мемуаристками автору. Если роль Муромцевой-Буниной в жизни Бунина читателю была ясна, то цитаты из Кузнецовой приведены без каких бы то ни было объяснений, что это за человек. Так же, без пояснений, упоминаются Л.Ф. Зуров, М. Алданов и некоторые другие мемуаристы. Обычный ход мысли в этой книге таков: обсуждая дореволюционные отношения Бунина с другими писателями-эмигрантами (прежде всего Куприным), автор переходит к развитию отношений после 1917 г. Это позволяет включать в книгу ряд сведений об эмиграции. Последняя часть биографии (как бы перечеркивая и расширяя датировку, данную на титульном листе) называется «Последние годы» (по объему это примерно шестая часть книги). В ней изложено все известное на тот момент о жизни Бунина после отъезда из России. Некоторые сюжеты развернуты подробно (история выдвижения Бунина на Нобелевскую премию, грасский быт, турне по Прибалтике, жизнь в Грассе при немцах, смерть и похороны Бунина) благодаря переписке автора с эмигрантами — в этой части количество имен цитируемых мемуаристов резко увеличивается. Огромное письмо В.Н. Буниной Я.М. Цвибаку (Андрею Седых) о смерти и погребении Бунина (вероятно, копия прислана Буниной автору или же текст взят из воспоминаний А. Седых «Далекие, близкие», опубликованных в Нью-Йорке в 1962 г.) приводится полностью — в нем звучат как многочисленные

имена, так и бытовые подробности эмигрантской жизни, невероятные для советской печати конца 1960-х гг. Такое же впечатление местами производят воспоминания Кузнецовой (отрывки из «Грасского дневника»), Т.Д. Муравьевой-Логоиновой, Н.В. Кодрянской, С.Ю. Прегель, В.М. Зернова, включенные в бунинский том «Литературного наследства», изданный к столетию со дня рождения Бунина в 1970 г. Различие в том, что «Литературное наследство» рассчитано исключительно на филолога-специалиста, а биография А.К. Бабореко вышла в издательстве «Художественная литература» и была адресована широкому читателю.

Вплоть до эпохи перестройки изучение литературы эмиграции проходило в «тихом режиме». Энтузиасты пробивали в печать издания (дореволюционных) сочинений эмигрантов: так, в 1964 г. О.Н. Михайлову удалось издать сборник рассказов А.Т. Аверченко, в 1971 г. — книгу рассказов Тэффи. В научной жизни к Куприну и Бунину в качестве возможной темы исследований добавился Л.Н. Андреев (во-первых, не слишком долго бывший эмигрантом — писатель умер в 1919 г.; во-вторых, антибольшевистскую позицию Андреева смягчила позиция его детей-эмигрантов, весьма дружелюбно настроенных по отношению к СССР). Отметим кандидатскую диссертацию Л.А. Иезуитовой «Творчество Леонида Андреева (1891–1904)» (1967) и ее монографию «Творчество Леонида Андреева (1892–1906)» (1976). По причине ранней смерти, жизнь и творчество Андреева не могли быть поводом для изложения каких-либо подробностей эмигрантской жизни. Но исследовательница занималась многими другими эмигрантскими сюжетами, переписывалась с эмигрантами-литераторами и воспитала в Ленинградском университете целую плеяду исследователей эмигрантской литературы. Этот последний пример весьма показателен: литературоведам в целом позволялось собирать какие-то разрозненные сведения о писателях-эмигрантах, коллекционировать эмигрантские мемуары (не касающиеся политических вопросов) — у некоторых счастливиц дома хранились «Жизнь Бунина» В.Н. Муромцевой-Буниной и «Грасский дневник» Г.Н. Кузнецовой, полученные в дар от авторов, — разговаривать об этом со студентами, но исследовать тему всерьез было запрещено.

Существенные изменения начались в последние годы перестройки. В определенный момент цензурные ограничения были сняты и советские издательства начали печатать большим тиражом отдельные тома и собрания сочинений писателей-эмигрантов. Литература эмиграции стала существенной частью так называемой «возвра-

щенной литературы». На книжных полках одновременно появились сочинения эмигрантов первой волны, ранее неизвестных широкому читателю (Владимира Сирина (Набокова), Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского, З.Н. Гиппиус, А.М. Ремизова), а также эмигрантов третьей волны, в тот момент в большинстве еще живых и здравствующих (А.И. Солженицына, Вл. Максимова, А.А. Зиновьева, В.П. Аксенова, Эд. Лимонова и мн. др.). Этот широкий поток подействовал и на научного читателя, и на студенчество, и даже на старших школьников (олимпиадная работа по литературе автора этой статьи — тогда десятиклассника, написанная в Ленинграде в 1990 г., была посвящена творчеству Мережковского, Л. Андреева и Ремизова — правда, творчеству дореволюционному). С исчезновением СССР этот поток стал еще шире: вслед за «классиками» были изданы произведения младшего поколения первой эмиграции, стали появляться в печати произведения авторов второй волны, покинувших СССР в ходе Второй мировой войны и ранее считавшихся коллаборантами (например, хорошо подготовленный двухтомник Ивана Елагина вышел в 1998 г.). Одновременно с художественной литературой в Россию хлынул поток эмигрантской философии (репринты с эмигрантских изданий и заново подготовленные книги И.А. Ильина, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, Льва Шестова производили сильнейшее впечатление) и теософии, трудов по истории церкви и истории философии, окрашенных религиозным сознанием и при этом написанных просто и интересно (см. «Историю русской церкви» А.В. Карташева или «Историю русской философии» прот. В.В. Зеньковского). На этом фоне особое место на гуманитарных факультетах главных университетов страны заняли курсы «История русской философии», на которых впервые подробно и серьезно обсуждалась философская традиция эмиграции. Ряд филологических факультетов ввел в программу русского отделения курс «Литература русской эмиграции». В качестве примера: автор этой работы в первой половине 1990-х гг. учился на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. В программу обучения уже входили курс лекций «Литература русской эмиграции» (Л.А. Иезуитова) и курс лекций «История русской философии» (А.А. Ермичев — лектор, приглашенный с философского факультета). Традиционный курс «Русская литература Серебряного века» в исполнении Б.В. Аверина тоже был во многом превращен в историко-философское исследование первой эмиграции: лектор совершал виртуозные проходы от дореволюционного творчества Бунина, Куприна, Мережковского к их послереволюционному творчеству;

семестр завершался несколькими лекциями о русскоязычном творчестве В.В. Набокова, который, по мнению Аверина, сумел соединить поэтику символизма с поэтиками акмеизма и футуризма.

Примерно на десятилетие осмысление созданного эмиграцией стало мейнстримом культурной жизни новой России. Однако процесс восприятия эмигрантской культурной парадигмы следует разделить на несколько дискурсов. Первый назовем дискурсом широкого советского читателя. Для него (значительно более подготовленного, чем сегодняшний «широкий читатель», — внимательно читавшего и художественную литературу, и философию, и публицистику) целый ряд текстов представлялся политически актуальным («Окаянные дни» Бунина, дневники З.Н. Гиппиус, «Солнце мертвых» Шмелева, статьи Ильина 1920-х гг., «Самопознание» Бердяева предлагали новую точку зрения на революцию и Гражданскую войну, ставили под сомнение справедливость и легитимность советской власти), ряд текстов — художественно ценным (в 1990 г. вышло четырехтомное собрание сочинений Набокова, к нему был добавлен пятый том с «Лолитой»; это собрание перевернуло «широкое» представление о русской литературе XX в.), ряд текстов — скучным и малоприменимым к сегодняшней жизни. Собственно, первая волна эмиграции уже казалась далекой историей, возвращение на Родину ее культурного багажа — реализованной исторической справедливостью; но более живыми и близкими современности воспринимались сочинения эмигрантов третьей волны: как тексты 1970–1980-х гг. («Остров Крым» Аксенова и «Это я — Эдичка» Лимонова читались в начале 90-х гг. как новое слово в литературе), так и произведения, только что созданные. К началу 2000-х гг. этот бум прошел; широкий читатель, занятый иными проблемами, потерял интерес к эмигрантской литературе. В литературе и философии эмиграции он искал главным образом то, что имеет отношение к его постсоветской жизни. Некоторые находили: перечитывание А. Дугиным текстов эмигрантских мыслителей 1920–1930-х гг., относивших себя к евразийцам, сформировало в новой России мощную волну «неоевразийства», которая в начале 2000-х гг. еще казалась маргинальной, но к середине 2010-х гг. превратилась в политический мейнстрим; идеологические работы Ильина, популярные в 1920–1930-е гг. у солдат и офицеров расформированных белых армий, вынужденных прозябать в Европе и ненавидящих тех, кто отнял у них Родину, существенно повлияли на риторику постсоветских правых партий², к началу 2010-х гг. эта ри-

² В середине 1990-х гг. в беседе в университетской «курилке» один из ярко мыс-

торика стала выходить на федеральные телеканалы и сегодня играет существенную роль в жизни России. Возвращение в Москву в 1999 г. представителя третьей волны А.А. Зиновьева помогло консолидации его поклонников сначала в Московском университете, где он читал, по сути, публичные лекции (формально считались спецкурсом для студентов), а после его смерти в 2006 г. вылилось в создание Зиновьевского клуба, играющего известную роль в современных политических процессах. Отметим, что либеральная мысль эмиграции такого резонанса — на перспективу — не получила³.

Второй дискурс назовем собственно эмигрантским. В эмигрантском сознании «возвращение» имеет совершенно особый смысл: это признание заслуг и попадание обратно в историю из вневременной вечности (превращение изгоя в героя). Первая эмиграция потеряла надежду на возвращение довольно скоро, но, обретя свою «миссию» в хранении и преумножении свободной русской культуры, надеялась на возвращение своих книг и имен. Вторая эмиграция мыслила примерно так же, но, сильно настрадавшись на Родине, идею возвращения редуцировала даже в своем творчестве. Третья эмиграция, встроившись в матрицу первых двух, о возвращении тоже не задумывалась — но неожиданно для себя этот шанс получила. Следует учесть, что третья эмиграция, в отличие от первой, по объективным историческим причинам не имела в своем составе ни политических деятелей, ни экономистов, ни специалистов в области управления. Ее составляли писатели и иные деятели искусств, которые могли быть полезными новой России исключительно идеями, как «обустроить» освобожденную страну. Но и на это третья

лящих преподавателей филфака спросил меня: «Кто у нас теперь вместо Маркса? Ильин?». Тогда мне этот ироничный вопрос показался излишне алармистским. «Не годится. У Ильина нет категорий для универсального осмысления бытия», — ответил я. Со временем оказалось, что преподаватель был весьма прозорлив. Некоторые популярные политики и политологи в последующие годы «додумали» мысли Ильина — не в плане онтологии, а в плане их практического применения.

³ Дело здесь, думается, не столько в качестве самой либеральной мысли эмиграции, сколько в быстром повороте «направо» всей политической ситуации в новой России. Если в первой половине 1990-х гг. одним из самых популярных и обсуждаемых философов был Н.А. Бердяев, то уже в начале 2000-х гг. на одном из теоретических семинаров Исторического общества при Европейском университете в Санкт-Петербурге мне довелось услышать от одного из участников неожиданное сравнение: Бердяев был «Радзинским Серебряного века». Этот момент был весьма показательным: снижение авторитета Бердяева, как и всей либеральной философии эмиграции, началось даже в интеллектуальных кругах.

эмиграция в целом оказалась неспособна. Кроме того, переезд на постоянное жительство в Россию в начале 1990-х гг. означал резкое понижение уровня жизни, к которому третья эмиграция в большинстве была не готова. Поэтому она (за исключением отдельных случаев, представленных очень разными фигурами А.И. Солженицына, А.А. Зиновьева, Эд. Лимонова) предпочла возвращаться домой «книгами», а лично — лишь наездами (для презентации этих книг и заключения новых договоров с издательствами). Таким образом, русская эмиграция XX в., по сути, не имела «возвращения», что типологически отличает ее от всех прочих эмиграций нового времени. Отчасти по этой причине многое из того, что эмигранты считали своей «миссией», гражданину посткоммунистической России оказалось не близко и не нужно. Эмигрантские книги были прочитаны по диагонали, как часть неизвестной ранее истории страны, и сданы в библиотеки.

Третьим дискурсом будем считать дискурс научный. На фоне общего интереса к эмигрантской культуре в начале 1990-х гг. поднялась мощная волна изучения эмиграции — литературоведами, философами, историками, культурологами. В какой-то мере именно этот дискурс заменил тот эффект «возвращения», от которого отказались сами эмигранты, предпочитавшие доживать и умирать за рубежом. Этому дискурсу мы посвятим вторую половину статьи, поскольку он играет в современной гуманитарной науке значительную роль, до конца еще не оцененную.

Знаковым моментом стало создание в 1989 г. в Институте мировой литературы РАН (Москва) Сектора литературы русского зарубежья, который возглавил О.Н. Михайлов. Этот сектор, по сути, работает в ИМЛИ вплоть до сегодняшнего дня (в конце 2000-х гг. вошел в Отдел новейшей русской литературы в качестве группы, с 2011 г. руководит группой Ю.А. Азаров). Михайлов основал научную серию «Литература русского зарубежья, 1920–1940», первый выпуск которой вышел в 1993 г. Всего вышло 5 выпусков этой серии, издание продолжается. Первый выпуск (1993; сост. и отв. ред. О.Н. Михайлов) выстроен как ряд очерков о творчестве крупнейших представителей литературной эмиграции — вероятно, с ориентиром на традиционные «Истории русской литературы», как важнейшее дополнение к литературе XX в.: «Бунин» (О.Н. Михайлов), «Ремизов» (В.А. Чалмаев), «Ходасевич» (С.Г. Бочаров), «Г. Иванов» (Е.В. Ермилова), «Тэффи» (Е.М. Трубилова), «С. Черный» (Л.А. Спиридонова), «Осоргин» (Т.В. Марченко) [14]. Второй выпуск (1999; отв. ред. О.Н. Михайлов) продолжает идею первого очерками «Ку-

прин», «Зайцев» (оба — О.Н. Михайлов), «Шмелев» (А.П. Черников), «Аверченко» (Д.Д. Николаев), «Адамович» (О.А. Коростелев), «Набоков» (В.И. Сахаров), «Газданов» (С.Р. Федякин), «Поплавский» (Е.В. Ермилова). Но добавляет к писателям первого ряда писателей менее известных: «Горянский» (Л.А. Спиридонова), «Байков» (Ким Рехо), а также одного политика и публициста — «Тыркова-Вильямс» (О.А. Казнина) [15].

Отметим целый ряд отдельных изданий этого сектора (группы), среди которых выделим сборники статей, созданные после резонансных конференций [10], коллективные монографии, посвященные отдельным ярким авторам [38], а также монографии, развивающие те или иные аспекты, исследованные авторами в статьях основной научной серии [12]. Отметим, что объемная книга О.А. Казниной стала чем-то вроде энциклопедии, рассказывающей о разных сторонах русской эмиграции в Англии (русские организации и периодическая печать; русские политики в роли частных лиц, литераторов и издателей; православие в Англии; русские литературоведы в роли профессоров британских университетов; дореволюционные эмигранты, влившиеся в ряды эмиграции. К этому добавлены главы о путешествиях британцев в Россию, а также путешествиях в Англию знаменитых эмигрантов, осевших в Европе). Это был новаторский академический формат, опирающийся на серьезные архивные исследования.

Вторым ключевым моментом в сфере изучения литературы русской эмиграции в России стало взаимодействие одного из главных издательств зарубежной России “YMCA-Press” с советскими библиотеками. В сентябре 1990 г. в московской Библиотеке иностранной литературы прошла большая выставка изданий «Имки», при ней работал читальный зал, в котором можно было ознакомиться с книгами философов- и писателей-эмигрантов. Так, еще до открытия спецхранов крупнейших библиотек, началось знакомство москвичей с мыслью и искусством эмиграции. Вторая выставка такого рода прошла в марте 1991 г. в музее А.С. Пушкина в Ленинграде. По инициативе организатора этих выставок В.А. Москвина при поддержке директора “YMCA-Press” Н.А. Струве в Москве появилось издательство «Русский путь» и совместное предприятие «Русский путь», которое занялось организацией широкой просветительской деятельности. Эта работа через несколько лет привела к учреждению Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (учредителями выступили две эмигрантские организации: “YMCA-Press”, Русский Общественный Фонд Александра Солженицына — и Правительство Москвы).

Библиотека-фонд, как известно, в дальнейшем превратилась в Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына — крупный научный и культурный центр, занимающийся хранением информации (помимо изначальной библиотеки в нем появилось растущее архивное хранилище, вбирающее в себя разнообразные эмигрантские собрания, и музейное собрание, в 2019 г. трансформировавшееся в Музей русского зарубежья с постоянной экспозицией и временными выставками), а также научными исследованиями и широкой культурно-просветительской деятельностью.

Третьим ключевым моментом в осмыслении наследия эмиграции был ряд больших научных конференций, организованных в первую половину 1990-х гг. Приведем в качестве примера грандиозный междисциплинарный форум «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е гг.», прошедший в Москве в сентябре 1993 г. Его организаторами выступили Российская академия наук и Конгресс соотечественников. В работе конференции приняли участие потомки первой эмиграции, ведущие отечественные и зарубежные ученые. Ее торжественное открытие, которому предшествовали пресс-конференции для российских и иностранных журналистов, а также ряд заседаний прошли в здании Президиума РАН. Организацией работы секций занимались Институт российской истории РАН, Институт мировой литературы РАН, Российский институт искусствознания; в их помещениях шли секционные заседания. В ходе работы конференции проходили презентации новых научных изданий, например, журнала «Историческая генеалогия», церемонии открытия тематических выставок — наиболее важная выставка «Пути и судьбы российской эмиграции: 1917–1940-е гг.» была организована Музеем революции и ГАРФом. Две специальные секции конференции освещали проблему разделенных архивов писателей, уехавших в эмиграцию, а также обсуждали возможности передачи эмигрантских архивов в Россию. На основе заседаний этой конференции был подготовлен внушительный двухтомник. Он дает представление о разнообразии секций и тем выступлений [13].

Большие конференции оказались делом моды. Довольно скоро из событий общероссийского масштаба, освещаемых главными СМИ страны, они превратились в строго научные собрания, интересные главным образом специалистам. Однако здесь кроется **четвертый ключевой момент** широкого развития эмигрантики. Конференции познакомили заинтересованных специалистов из России с западными славистами, давно и плодотворно изучавшими культуру эмиграции. С одной стороны, российские ученые активно вклю-

чились в те зарубежные или эмигрантские проекты, которые уже существовали. Так, например, научный альманах «Минувшее»⁴ (не только посвященный эмигрантике, но и затрагивавший многие не-эмигрантские сюжеты), созданный в 1986 г. в Париже и редактировавшийся эмигрантом третьей волны В.Е. Аллоем, с 1992 г. (№ 11) поменял место издания на «Москва— Санкт-Петербург», в нем стали появляться материалы, подготовленные учеными из России. Издательство Аллоя «Atheneum-Феникс», тоже переехавшее в Россию, послужило базой для формирования новых серий, как бы дополняющих «Минувшее» (альманах «Лица», выходивший с 1992 по 2004 гг., всего 10 выпусков, ред.-сост. всех нечетных выпусков, затрагивавших эмигрантские темы, А.В. Лавров, выпуски 9 и 10 редактировались им совместно с М.М. Павловой), а также выпустило ряд важнейших книг, среди которых выделяется тщательно подготовленное Б. Хеллманом (Финляндия) и Р. Дэвисом (Великобритания) издание дневника, писем, статей и интервью Л.Н. Андреева эмигрантских лет [41]. Это издание стало знаковым: оно задало высокую планку текстологической и комментаторской работы с текстами эмиграции [см.: 31], наметив переход от случайного комментария (когда комментируется только то, что известно комментатору, и остается много белых пятен — так поступали авторы редких советских изданий эмигрантской литературы) к комментарию полному и обстоятельному. С другой стороны, ученые-иностранцы стали принимать активное участие в крупнейших российских изданиях. Например, в издании ИМЛИ РАН «Д.С. Мережковский: Мысль и слово» (1999; ред. коллегия В.А. Келдыш, И.В. Корецкая, М.Л. Никитина), собранном из материалов более ранней научной конференции, участвовал целый ряд исследователей из США, включая Х. Барана и Т. Пахмусс, а также ученые из Италии и Чехии [7]. Стали появляться книги, совместно подготовленные исследователями из России и учеными из-за рубежа. Например, сборник «Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования», подготовленный редколлекцией, состоящей из Н.В. Королевой и Т. Пахмусс [8], или выделяющийся самым своим заглавием сборник «С двух берегов», сформированный совместно ИМЛИ РАН и Университетом Лидса (Великобритания), российским и британским редакторами — В.А. Келдышем и Р. Дэви-

⁴ Назовем и предшественника «Минувшего» — исторический альманах «Память» (всего 5 выпусков), неподцензурно создававшийся в Москве и выходивший в Париже во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. См. специальное исследование о нем: [11].

сом. В этом сборнике соединились не публиковавшиеся ранее письма к И.А. Бунину (К.Д. Бальмонта — вст. заметка Ж. Шерона, публикация и примеч. Ж. Шерона и Р. Дэвиса; Ф.А. Степуна — вст. статья К. Хуфена, публикация и примеч. К. Хуфена и Р. Дэвиса; А.В. Тырковой-Вильямс — вст. статья, публикация и примеч. О.А. Казниной; Т. Манна — вст. статья, публикация и примеч. Р. Кийса), а также «переписки в обе стороны», т. е. письма к Бунину и от Бунина (с В.В. Набоковым — вст. статья М.Д. Шраера, публикация и примеч. М.Д. Шраера и Р. Дэвиса; с Г.Д. Гребенщиковым — вст. статья, публикация и примеч. В.А. Росова; с И.Ф. Наживиным — пред. В. Кудениса, публикация и примеч. Р. Дэвиса, В. Кудениса, Н.Н. Примочкиной) — с так же подготовленными «в обе стороны» «переписками» М. Горького (с М.А. Осоргиным — вст. статья, публикация и примеч. И.А. Бочаровой; с Б.Д. Григорьевым — вст. статья, публикация и примеч. И.А. Зайцевой; И.Ф. Наживиным — вст. статья, публикация и примеч. Н.Н. Примочкиной; с И.Ф. Калининковым — вст. статья, публикация и примеч. Л.А. Спиридоновой). Горьковскую часть сборника завершали письма Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус к Горькому (вст. статья, публикация и примеч. Н.Н. Примочкиной), а также рукописный журнал «Соррентийская правда. № 2». (вст. статья И.А. Ревякиной, публикация и примеч. М.М. Богоявленской и И.А. Ревякиной) [35]. Этот сборник тоже можно назвать знаковым. Во-первых, он продемонстрировал важность эмигрантского эпистолярия в изучении подробностей и нюансов эмигрантской культуры. Кроме того, эмигрантские письма были осмыслены как «литература факта» и в этом статусе нашли своего читателя. Во-вторых, именно он продемонстрировал предпочтительность публикации «переписок в обе стороны». Вся дальнейшая эмигрантика по возможности стала стремиться именно к такой форме представления эпистолярного материала. В третьих, этот сборник задал академическую форму оформления публикаций: обстоятельная вступительная статья, освещающая саму проблему с культурно-исторических позиций, тщательно выверенный по рукописи текст, подробнейший комментарий, касающийся упомянутых в тексте лиц, событий, изданий.

Эта форма не сразу, но постепенно стала доминировать в новых изданиях по эмигрантике, задуманных и реализованных в 2000-е гг. С 2001 г. стал выходить альманах «Дiaspora: Новые материалы» — новый проект В.Е. Аллоя, заместивший «Минувшее». Если «Минувшее» освещало как дореволюционную жизнь России, так и историю эмиграции, то «Дiaspora» была сфокусирована исключительно на последней (всего вышло 9 выпусков, последний в 2007 г.). После

трагической смерти Аллоя альманах, начиная со 2 выпуска, стал редактировать О.А. Коростелев, защитивший в 1995 г. кандидатскую диссертацию «Поэзия Георгия Адамовича» и олицетворявший собой новое поколение исследователей эмиграции. В начале 2000-х Коростелев почти одновременно начал работать в ИМЛИ РАН и в Библиотеке-фонде «Русское зарубежье».

Таким образом, 1990-е гг. стали этапом формирования в России сообщества эмигрантоведов, а также институтов, занятых изучением эмиграции⁵. Отметим и редкий на тот момент учебник по литературе русского зарубежья, написанный профессором МПГУ В.В. Агеносовым (включивший многих авторов первой волны эмиграции и нескольких авторов второй волны) [2]. Два последующих десятилетия ушли на развертывание заложенных в 1990-е гг. возможностей.

В 2000-е гг. были предложены новые исследовательские стратегии. Если в 1990-е гг. литературу эмиграции изучали в традиционном-персоналистском (биографическом) ключе, как бы выстраивая недостающие главы истории русской литературы XX в., то новое десятилетие заинтересовало эмигрантские издательские проекты, объединяющие персоны в идейно-эстетические сообщества, — в первую очередь заинтересовала периодика эмиграции.

Так, третий выпуск «Литературы русского зарубежья», вышедший в 2004 г. (под общ. ред. О.Н. Михайлова, отв. ред. Ю.А. Азаров), изменил общую концепцию серии: его тема — периодика эмиграции. Главы выпуска рассказывают о крупнейших газетах и журналах эмиграции, а также об общем потоке периодических изданий в той или иной стране: «Журнал “Современные записки”: литературный памятник русского зарубежья» (О.Н. Михайлов, Ю.А. Азаров), «Начало газеты “Возрождение”: 1925–1927» (О.А. Казнина), «Журнал “Сатирикон”» (Л.А. Спиридонова), «“Русская газета”» (Е.А. Осьмина), «Русские периодические издания в Германии» (Д.Д. Никола-

⁵ Помимо упомянутых крупнейших институтов, занимающихся изучением эмиграции и сегодня, в 1990 гг. появилось много иных центров изучения эмиграции, внесших значительный вклад в изучение русского зарубежья (многие из них просуществовали до 2010 гг., некоторые функционируют и сегодня). Назовем Центр комплексных исследований российской эмиграции при ИНИОН РАН (Москва), подготовивший ряд изданий, посвященных русскому зарубежью, а также Информационно-культурный центр «Русская эмиграция», созданный усилиями М.Д. Чернышевой под идейным руководством Д.А. Гранина в Санкт-Петербурге. Центр издавал информационно-аналитический сборник «Берега» (выходил с 2002 по 2016 гг.), посвященный проблемам эмигрантского источниковедения.

ев), «Русские газеты и журналы в Великобритании» (О.А. Казнина), «Периодика русской эмиграции в Финляндии 1920-х гг. “Русская жизнь”, “Новая русская жизнь”» (Ю.А. Азаров), «Русские периодические издания в Латвии. Газета “Сегодня”» (Е.М. Трубилова), «Русская эмигрантская периодика в Чехословакии» (Д.Д. Николаев), «Русские газеты и журналы в Югославии в 1920–1930-е гг. Белградское “Новое время”» (Ю.А. Азаров), «Периодика Дальнего Востока. Харбин» (Е.М. Трубилова), «Русская литературная периодика в США 1920–1930-х гг. “Зарница”, “Москва”, “Новое русское слово”» (Ю.А. Азаров), «Периодические издания евразийского движения» (О.А. Казнина) [16]. Отметим широкий охват эмигрантской периодики, соотношение общего фона и крупнейших периодических изданий-«памятников», выделение наиболее значимых изданий.

Впрочем, совсем отказываться от продолжения персонального подхода эмигрантика не стала. Четвертый выпуск (2008; под общ. ред. О.Н. Михайлова, отв. ред. Ю.А. Азаров) продолжил исследовательскую стратегию первых двух, предложив ряд очерков творчества как крупных, так и не самых известных писателей эмиграции, расширяя тем самым научный литературоведческий кругозор: «Краснов», «Каратеев», «Лукаш» (все очерки — О.Н. Михайлов), «Мережковский» (Е.А. Осьминина), «Бальмонт», «Кондратьев», «Наживин» (все — Е.М. Трубилова), «Цветаева» (О.А. Казнина), «Ветлугин», «Минцлов» (оба — Д.Д. Николаев), «Гребенщиков» (Ю.А. Азаров) [17]. Пятый же выпуск, вышедший в 2013 г. (отв. ред. Ю.А. Азаров), продолжил стратегию, обозначенную в третьем, осветив некоторые новые периодические издания эмиграции и введя в научный оборот ряд знаковых фактов из их истории: «“Путь”: орган русской религиозной мысли» (О.А. Казнина), «“Новый град”: философское мирозерцание и творческое преодоление большевизма» (Ю.А. Азаров), «“Версты”: литературный журнал евразийцев» (О.А. Казнина), «“Русские записки”: “столица” и “провинция”» (Ю.А. Азаров), «Русские периодические издания в Германии: 1918–1920 гг.» (Д.Д. Николаев), «Русская эмигрантская периодика в Чехословакии» (Д.Д. Николаев), «Периодические издания русской эмиграции в Шанхае» (Е.М. Трубилова), «Эмигрантская периодика о детях и для детей: начало, развитие, направления, итоги» (Л.Ю. Суровова), «Журнал “Возрождение”» (О.Н. Михайлов) [18].

В 2005 г. вышла монография Ю.А. Азарова, предложившая, по сути, третью стратегию описания эмиграции, дополняющую первые две, — через центры расселения эмиграции и особенности культурной жизни в каждом из них (Париж — Берлин — Прага — Белград —

Гельсингфорс — Харбин — Нью-Йорк) [3]. Эта стратегия «локусов» активно развивается сейчас историками и культурологами.

В 2000 г. ИМЛИ РАН открыл вторую научную серию, посвященную национальным эмиграциям — «Литературное зарубежье» (отв. ред. Ю.А. Барабаш), — чрезвычайно расширив первоначальные аспекты эмигрантоведения соединением проблемы русской эмиграции с проблемами существования национальных диаспор. В серию включались и традиционные статьи о русской эмиграции (которые могли бы войти в один из выпусков «Литературы русского зарубежья»; см. статьи А.И. Чагина в 1, 2 и 3 вып., Д.Д. Николаева во 2, 3 и 5 вып., Ю.А. Азарова в 4 и 5 вып.), но ее основу составляли работы, ориентированные на национальные литературы: так, в первом выпуске появились статьи об украинской литературе в эмиграции (В.Г. Крикуненко), поэзии северокавказской эмиграции (К.К. Султанов), абхазской диаспоры в Турции (В.А. Бигуаа), — а также «национально-ориентированные» персоналии (Н.С. Надъярных о Д. Чижевском) [19]; во втором выпуске — о грузинской эмиграции на примере Г. Робакидзе (А.Б. Абуашвили), белорусской эмиграции на примере А. Адамовича (А.К. Кавко), нью-йоркской группе украинских поэтов (Ю.А. Барабаш), вторая статья Н.С. Надъярных о Чижевском. Проблематику второго выпуска расширяют работы Б.С. Зулумян об армянской диаспоре в Византии и К.К. Султанова о романе Мухадина Кандура (потомка эмигрантов из Малой Кабарды, покинувших Северный Кавказ еще в XIX в.). Таким образом, проблематика эмигрантики в «Литературном зарубежье» существенно расширилась за счет исследования диаспор, не имеющих отношения к Российской империи и весьма старше XX в. [20]. В третьем выпуске эта тенденция была продолжена: в статье Б.С. Зулумян речь идет о мхитаристах на о. св. Лазаря. Основная же идея серии (национальные эмиграции из СССР) была продолжена статьями Ю.Я. Барабаша «Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья (Восприятие и интерпретации), часть I», А.К. Кавко «Белоросика в творчестве Евгения Ляцкого», В.Х. Ганиева «Заки Валиди Тоган: путь в эмиграцию», а также третьей статьей Н.С. Надъярных о Д. Чижевском. Статья Ю.А. Барабаша об украинском поэте Василе Барке (после статьи о нью-йоркской группе украинских поэтов, опубликованной в предыдущем сборнике) намечала подробный разговор о национальных тенденциях второй эмиграции, значительно отличающихся от национального начала в эмиграции первой [21].

В четвертом и пятом выпусках этой серии традиционных статей по литературе русской эмиграции становится значительно боль-

ше, но статьи по национальным эмиграциям по-прежнему придают серии оригинальный каркас. Н.С. Надъярных в обоих выпусках продолжает разностороннее освещение творчества Д. Чижевского, Ю.Я. Барабаш печатает в четвертом и пятом выпусках (соответственно) вторую и третью части работы «Гоголь в литературном сознании украинского зарубежья», К.К. Султанов публикует статью «Символика и образ “Другого” в литературе северокавказской диаспоры», Л.Х. Балагова-Кандур выступает со статьей «Литературная диаспора адыгов. Проблемы этнодуховной идентичности» [22], В.А. Бигуаа расширяет тему, заявленную еще в первом выпуске (статья «Культурно-просветительская, научная и литературная деятельность северокавказской и абхазской диаспоры в Турции»), Л.Н. Турбина рассказывает о феномене белорусской поэтессы-эмигрантки Натальи Арсеньевой. Особым поворотом от «эмиграции» к проблеме проживания «диаспор» в столицах Российской империи становится статья Б.С. Зулумян «Литературно-научная деятельность Лазаревского института восточных языков» [23].

В последнее десятилетие интенсивность выпусков уменьшилась (вышли только 6 и вдвоенный 7–8 выпуски), но их общая тематическая направленность на жизнь «диаспор» сохранилась: в 6 выпуске К.К. Султанов рассмотрел прозу дагестанского художника и писателя Х. Мусаясула, Ю.Я. Барабаш выступил со статьей «О “Дневнике” Аркадия Любченко», Л.Н. Турбина написала о литературе белорусской диаспоры в Польше, В.А. Бигуаа опубликовал библиографию «Северокавказская и абхазская диаспора в зарубежных странах», а Б.С. Зулумян продолжила тему Лазаревского института статьей о его директоре Мкртиче Эммине, знатке армянской литературы [24]. В 7–8 выпуске появились статья Н.С. Надъярных о символично-мистических прозрениях Г. Сковороды в дискурсе Чижевского, статьи Ю.А. Барабаша «Иван Франко и Гоголь» и романа В. Барки «Желтый князь», а также о Викторе Петрове — писателе, ученом-украинисте, деятеле второй эмиграции и одновременно советском разведчике — и его повести «Без почвы», статьи Р.Х. Угурчиевой «Ингушская литературная диаспора в Турции» и А.М. Муртазалиева «Вклад дагестанской диаспоры в распространение русской словесной культуры в Турции», работа Р.Х. Угурчиевой «Вассан-Гирей Джабагиев и журнал “Свободный Кавказ”». Статья А.Т. Сибгатулиной «Литературный журнал “Казань” в Турции (1970–1980)» — редкая работа о периодике третьей эмиграции. Статья К.К. Султанова «“Фактор умственной национальной жизни”: вопросы литературы и культуры на страницах газеты “Стамбульские новости”. 1909–1910 гг.»

переносит рассмотрение периодических изданий эмиграции на жизнь диаспор в эпоху до Первой мировой войны. Эпохально близка ей статья Б.С. Зулумян «Литература армянского зарубежья начала XX в.: творчество Ваана Текеяна». Впервые появляется статья о современном поэте, эмигрировавшем из Беларуси, вернувшемся домой и через несколько лет арестованном: «Творчество Владимира Некляева в эмиграции» (автор — Л.Н. Турбина). Рядом с ними — статьи по истории русской эмиграции: «Парижский журнал “Новый град”: утопия и реальность», «Анафема советской власти: А.И. Куприн в Финляндии» (обе принадлежат Ю.А. Азарову), «Диалог о путях русской поэзии (А. Бем и Г. Адамович)», «“Россия, мы в вечном свидании...” Поэзия Владимира Смоленского» (обе написаны А.И. Чагиным). Весьма интересна работа Д.Д. Николаева, привлекающая внимание к творчеству малоизвестных авторов эмиграции, — «От ОСВАГа к Смене вех: публицистика и литературная критика Александра Дроздова 1919–1921 гг.». Отметим в этом выпуске и далеко отстоящие от тематики «зарубежья» статьи о Ю. Рэтхэу (А.С. Жулева) и У. Сарояне (Б.С. Зулумян) [25].

Переходом на уровень формирования сетевых энциклопедий стали два электронных ресурса, основанных О.А. Коростелевым в 2009–2010 гг. Первый интернет-ресурс появился под эгидой Дома русского зарубежья (ныне курируется ИМЛИ РАН) и назывался «Эмигрантика. ru. Русское зарубежье» (ныне доступен по адресу: emigrantika.imli.ru). Его задачей стала, во-первых, оцифровка и размещение для общего доступа периодики русского зарубежья (первоначально, по понятным причинам, сконцентрировались на журналах русского Парижа первой волны — далее пока не продвинулись по причине нехватки финансирования), а также размещением справочной литературы. Во-вторых, предполагалось разместить на этом ресурсе обширный справочно-библиографический отдел с росписями журналов и указателями содержания (эта работа тоже была только начата). Второй ресурс — «Эмигрантика. Периодика русского зарубежья» (доступен по адресу emigrantica.ru; курируется Домом русского зарубежья) — представляет собой энциклопедию периодических изданий русской эмиграции во всех странах всех континентов (каталог выстроен по странам и городам). Описание периодических изданий включает в себя места хранения комплектов и отдельных номеров, а также адреса электронных копий в интернете (если таковые имеются).

В этом же ряду стоит совместный проект О.А. Коростелева и немецкого исследователя М. Шрубы (профессора Миланского университета), привлечший большой международный коллектив и посвя-

щенный публикации — и осмыслению как важнейшего источника информации об институционализации русской литературы за рубежом — редакционной переписки журнала «Современные записки» [36], крупнейшего издания довоенной эмиграции. Близка к этому замыслу и идея изучения псевдонимов, встречающихся в периодике русской эмиграции, ибо псевдонимы-подписи — важная часть журналистской культуры и массовая практика эмиграции; при этом многие из известных псевдонимов литературоведами совсем не раскрыты. Результатом этой работы стала международная конференция, проведенная О.А. Коростелевым и М. Шрубой в 2014 г. (сборник материалов вышел в 2016 г. [33]), и словарь псевдонимов, составленный М. Шрубой [39].

С 2000 г. начала выходить научная серия «Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: Материалы и исследования» (отв. ред. О.Б. Васильевская и М.А. Васильева), серия существовала в течение 10 лет, всего вышло 10 выпусков (погодной). Среди них — выпуски, посвященные глубокому изучению жизни и творчества отдельного крупного представителя эмиграции (писателя, философа, критика, композитора), а также его влияния на общеэмигрантскую культуру: «Возвращение Гайто Газданова» (Вып. 1, сост. М.А. Васильева); «С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь» (Вып. 4, сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев); «А.Л. Бем и гуманитарные проекты русского зарубежья» (Вып. 9, сост. и ред. М.А. Васильева); «Николай Метнер: Вопросы биографии и творчества» (Вып. 10, сост. и ред. Т.А. Королькова, Т.Ю. Масловская, С.Р. Федякин). Эта часть серии реализует «персональную» стратегию изучения эмиграции. Ряд выпусков посвящен городам и странам — центрам русского рассеяния: «Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940 гг.)» (Вып. 3); «Т.Г. Масарик и “Русская акция” Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика» (Вып. 5, отв. ред. М.Г. Вандалковская); «Русский Берлин: 1920–1945» (Вып. 6, сост. М.А. Васильева, Л.С. Флейшман, ред. Л.С. Флейшман); «Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции» (Вып. 7, сост. и ред. М.Г. Талалай); «Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу: 1920–1940» (Вып. 8, сост. и ред. Ж. Ф. Жаккар, А. Морар, Ж. Тассис). Каждый из выпусков представляет собой материалы большой научной конференции; почти в каждом из них, помимо научных статей, публиковались неизвестные материалы — тексты или письма эмигрантов.

С 2010 г. (вместе с переименованием Библиотеки-фонда в Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына в 2009 г.) основ-

ное издание ДРЗ, отказавшись от тематического принципа и перестав следовать за собственными научными конференциями как издание их материалов, перешло на иной формат — «Ежегодник», в котором соединяются разного рода исследования, обзоры фондов Дома, хроника научной жизни, рецензии на новые работы о русской эмиграции. Помимо «Ежегодника», Дом русского зарубежья выпускает разного рода научные издания, специально посвященные той или иной эмигрантской тематике. Научная деятельность Дома не ограничивается первой эмиграцией, как это часто бывает, но охватывает и эмиграцию времен Второй мировой войны. Недавно выпущенный сборник «Дипийцы» (отв. ред. П.А. Трибунский) [6] весьма показателен: он приоткрывает во многом табуированную тему (так как в Советском Союзе многие эмигранты второй волны считались предателями и коллаборантами, по вопросу о том, как относиться к тому или иному автору, нет однозначного общественного мнения и сегодня). Насколько известно автору статьи, планируется продолжить специальные издания о второй эмиграции — возможно, в Доме русского зарубежья появится новая серия, чрезвычайно важная для осмысления русской истории и культуры XX в. Отметим также, что научный отдел Дома русского зарубежья ведет разностороннюю научную работу (его научно-исследовательский центр, состоящий из трех отделов, — это небольшой научно-исследовательский институт), а также серию просветительских проектов. В 2022 г. бессменный директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин был удостоен Государственной премии РФ, что свидетельствует о высокой оценке деятельности всех сотрудников Дома русского зарубежья во всех сферах — научной, архивной, музейной, просветительской.

Особо упомянем две научные серии, специально посвященные творчеству И.А. Бунина. Первая, начавшая выходить в 2004 г., — «И.А. Бунин. Новые материалы» — была основана О.А. Коростелевым и Р. Дэвисом (хранителем Русского архива в Лидсе, Великобритания) и издавалась издательством ДРЗ «Русский путь». Она посвящена большей частью публикации переписки «последнего классика», это позволило заполнить многие белые пятна его биографии эмигрантского периода. Серия выходила крайне нерегулярно. В первом выпуске наиболее значимы переписка И.А. и В.Н. Буниных с Г.В. Адамовичем (публикация О.А. Коростелева и Р. Дэвиса), переписка И.А. и В.Н. Буниных с В.Ф. Ходасевичем (публикация Дж. Малмстада), переписка Бунина и Г.Н. Кузнецовой с Л.Ф. Зуровым — до его прибытия в бунинский дом (публикация И.З. Белобровцевой и Р. Дэвиса) [43]. Второй выпуск появился лишь в 2010 г. Наиболее

значимы в этом томе переписка Бунина с Н.Н. Берберовой (вст. ст. М. Шраера, публ. М. Шраера, Я. Клоца и Р. Дэвиса), переписка Бунина с П.М. Бицилли (вст. статья Т.М. Двинятиной, публ. Т.М. Двинятиной и Р. Дэвиса), переписка Бунина с Л.Ф. Зуровым за 1933–1953 гг. (вст. статья И.З. Белобровцевой, публ. И.З. Белобровцевой и Р. Дэвиса). Новой возможностью, опробованной в этом выпуске, стала публикация неизвестных текстов Бунина — стихотворных пародий, подготовленных и подробно исследованных во вступительной статье автором этих строк [44]. Третий выпуск, вышедший в 2014 г., стал монографическим: в нем были представлены все доступные на тот момент письма Бунина, Буниной и Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун. В специальной большой статье подробно освещалась история отношений Бунина, Буниной и Кузнецовой. Из обширного комментария к этим письмам был выделен персональный комментарий, выстроенный в виде «Материалов для Бунинской энциклопедии» [45].

Вторая бунинская серия — «Академический Бунин» — была основана в ИМЛИ РАН в 2019 г. и посвящена всестороннему осмыслению творческого наследия писателя. В силу исключительного объема выпусков перечислим лишь разделы: в выпуске 1 — «Историко-литературный контекст. Биография», «Восприятие И.А. Бунина за рубежом», «Текстология и комментарий», «Библиография» [37]; в выпуске 3 — «Поэтика», «Биография и источниковедение», «И.А. Бунин и его современники», «Текстология и комментарий», «Переводы и переводчики», «И.А. Бунин и Палестина» [9]. Вторым выпуском серии, вышедший в свет практически через месяц после первого, представляет собой монографию автора этой статьи о творчестве Бунина эмигрантского периода. Отличительная черта этой монографии — описание поэтики Бунина с учетом новейших текстологических изысканий, а также в общем контексте эмигрантской культуры [30].

Выделим также систематические работы по изучению русской эмиграции в Китае, ведущиеся в Институте филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск). Ряд статей, в которых были «открыты» широкой научной публике забытые поэты-эмигранты, а также исследования дальневосточной периодики периода ДВР и русской периодики в Китае подвели сотрудников института к созданию важнейшего сборника [34].

Принципиальным шагом в издании эмигрантских текстов (научная подготовка текста, текстологическое исследование, исчерпывающий комментарий) стало появление авторов-эмигрантов

(их произведений эмигрантского периода) в книгах серии «Литературные памятники» ([47], [48], [46], [49], [42], [50], [40]), а также постепенно реализуемые ИМЛИ РАН и ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН собрания сочинений Л.Н. Андреева, Д.С. Мережковского, Вяч. И. Иванова, А.М. Ремизова и др. В академической серии «Литературное наследство» публикуются неизданные произведения и наброски писателей-эмигрантов.

В последние годы написаны важные учебники для филологических факультетов, среди которых выделяется огромный том, созданный в СПбГУ с участием ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН и некоторых иных петербургских вузов [1]. Если этот основной учебник охватывает только межвоенный период, то некоторые учебные пособия предлагают общую картину русского зарубежья «трех волн» [26]. В последнее десятилетие важнейшую роль приобрел методический вопрос планирования университетских курсов: нужен ли отдельный курс эмигрантской литературы? Появление отдельных курсов в 1990-е гг. было дополнением к сложившейся парадигме представления истории русской литературы. Теперь же есть возможность перестроить саму парадигму. Автор этой статьи некоторое время читал спецкурс «Литература русской эмиграции» в разных петербургских вузах, но одновременно выстраивал и общий курс русской литературы XX в. как три параллельных литературных процесса, один из которых — литература эмиграции [32]. Наиболее «органичной» точки зрения на этот счет придерживается проф. И.Н. Сухих, автор полной линейки школьного учебника: в беседах с пишущим эти строки он неоднократно подчеркивал, что писатели эмиграции должны быть просто включены в общий курс литературы.

Итак, в 2000-е и 2010-е гг. изучение эмигрантской литературы чрезвычайно расширилось: помимо авторов первого ряда исследователи обратили внимание на авторов малоизвестных, по крупицам восстановив их биографии и создав подробные очерки творчества. Этому значительно способствовало фронтальное изучение эмигрантской периодики, в котором ученые-эмигрантоведы добились значительных успехов. Важным шагом эмигрантики стало расширение изучаемого материала на национальные эмиграции из СССР, которые во многом продолжали традиции национальных эмиграций из Российской империи. На этом фоне эмигрантика стала все чаще выходить за пределы XX столетия, были подняты вопросы типологии эмиграций в новое и новейшее время, ответы на которые пока не даны.

Трендом последнего десятилетия стало междисциплинарное изучение эмиграции как особого культурного феномена. Литература

эмиграции включается в культурно-исторические штудии как составляющая часть. В этом контексте следует упомянуть монографии О.Р. Демидовой [4], [5], а также целый ряд статей, формулирующих задачи реконструкции специфических форм эмигрантской культуры (см., например: [29]). Существенную помощь в этом аспекте оказывают публикации дневников, переписки, мемуаров как выдающихся, так и рядовых эмигрантов.

К сожалению, в предложенном историографическом обзоре не было возможности упомянуть ни многочисленные организации, ни тем более всех ярких исследователей, изучающих литературу русской эмиграции. Нам пришлось остановиться лишь на тех институтах, в которых существуют научные отделы (группы) по изучении эмиграции, а также исключительно на научных сериях, посвященных эмиграции. Оговоримся также, что мы описали исключительно мейнстрим эмигрантики, оставив за скобками несколько намеченных линий, не получивших развития. Например, в середине 2000-х гг. появилось несколько работ, применивших к теории эмиграции модную постколониальную теорию⁶. Эта тенденция оказалась не слишком продуктивной: эмигрантская культура далека от пафоса антиколониализма. Одним словом, подробная история эмигрантики в России еще будет написана. Этот очерк — одна из первых историографических попыток.

Переходим от историографии к новейшим тенденциям, формирующимся у нас на глазах.

На нынешнем этапе эмигрантика вплотную приблизилась к тому, чтобы восприниматься отдельной научной дисциплиной. Она пока еще не оформлена институционально, но все предпосылки для этого уже есть. В изданиях, посвященных русской эмиграции, историки, филологи, культурологи, философы (в последнее время к ним примыкают и некоторые искусствоведы) выступают единым фронтом и говорят на одном языке⁷: предмет изучения оказывается важнее, чем методологические и терминологические расхождения, отделяющие одну гуманитарную науку от другой. Формируется собственный язык эмигрантики, позволяющий представителям одних дисциплин работать с материалом, традиционно принадлежащим другой дис-

⁶ См. об этом работу Л.М. Геллера в настоящем выпуске.

⁷ См., например, программу заседаний международного междисциплинарного семинара «Emigrantica: Новые проекты», основанного М.А. Васильевой и Е.Р. Пономаревым в 2022 г. в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына (при участии ИМЛИ РАН).

циплине: так, филологи-эмигрантоведы успешно выполняют историческую реконструкцию событий (особенно биографий); историки, занимающиеся эмиграцией, анализируют художественные тексты; литературоведы и историки собирают и систематизируют факты из сферы истории искусств; историки философии пишут об эмигрантской литературе, а литературоведы — о взаимодействии литературы и философии. Формируется собственная методология эмигрантики, общая для специалистов, пришедших из разных дисциплин. Складывается собственный словарь терминов.

Восприятие эмигрантики как отдельной дисциплины стимулирует значительное расширение ее исследовательского поля. Точнее, можно говорить о нескольких последовательных расширениях изучаемого предмета, намечающихся в ближайшие годы и создающих значительную перспективу. Мы будем различать эмигрантику в узком смысле, в широком смысле и в смысле глобальном.

Эмигрантика в узком смысле — это изучение русской эмиграции XX в., уникального феномена мировой истории (социальной истории и особенно истории культуры), предложившей, по сути, проект альтернативной (небольшевистской, несоветской, антисоциалистической) русской культуры. Эта «альтернативность» не до конца была осмыслена в девяностые годы прошлого века. Современная Россия живет большей частью с оглядкой на СССР, популяризация эмигрантской культуры практически не удалась. Таким образом, эмигрантика в узком смысле имеет важные перспективы: это одновременно расширение научного потенциала и создание механизмов для освоения культуры русской эмиграции широким общественным сознанием.

Эмигрантика в широком смысле представляет собой изучение как религиозных, так и национальных миграций за границы Российской империи, СССР, постсоветской России. Эти многочисленные миграции сближает с русским зарубежьем одна и та же причина: политическое преследование либо ущемление гражданских прав определенных групп людей. Все эти эмиграции осмысляют географическое перемещение как освобождение, получение новых возможностей для развития (творчества). Этот процесс, разумеется, не ограничивается XX в. и расширяет временной диапазон эмигрантики до нескольких столетий.

Переходя к эмигрантике в ее глобальном значении, мы практически снимаем временные и пространственные ограничения, пытаюсь осмыслить сам феномен (вынужденной) перемены места жительства по идейным соображениям, соображениям безопасно-

сти или из-за осознанной невозможности жить в стране рождения. Здесь нас интересуют типологические сопоставления различных эмиграций нового времени (от французской эмиграции эпохи Великой революции до немецкой эмиграции из третьего рейха). Есть даже типологическая возможность уйти в глубину веков — например, к исходу евреев из Египта или мифу о троянцах, воплотившемуся в «Энеиде», а также типологически осмыслить на историческом фоне новейшие миграции, вызванные глобализацией.

Здесь же уместно порассуждать и о том, насколько многочисленные миграции новейшего времени, вызванные большей частью экономическими причинами, подпадают под определение эмиграции. С одной стороны, кажется удобным терминологически разделить **миграции** (перемещения необязательные, вызванные стремлением к лучшей жизни и, как правило, не отменяющие возможности посещать бывшее место жительства, вплоть до возвращения, если что-то пойдет не так) и **эмиграции** (перемещения вынужденные, нередко насильственные, вызванные угрозой жизни и свободы в собственной стране, часто без возможности возвращения в обозримом будущем). С другой стороны, между первыми и вторыми перемещениями трудно провести четкую границу, а базовая причина тех и других одинакова — перемещение в пространстве мыслится как переход к новой, лучшей жизни. Процессы адаптации мигрантов и эмигрантов к новым реалиям и новому культурному пространству практически идентичны. Таким образом, эмигрантика в глобальном значении может заниматься и проблемами бытования диаспор, формирование которых не связано с теми или иными политическими катаклизмами. В этом случае горизонты эмигрантики становятся еще шире, к развитию новой дисциплины могут присоединяться этнологи и антропологи, включая представителей смежных дисциплин — например, этнолингвистики.

Глобализация предмета изучения эмигрантики неминуемо отразится и в традиционном ее поле. Так, в сложившейся ситуации изучение русской эмиграции (эмигрантика в узком значении термина) в основном сфокусировано на так называемой первой волне, т. е. эмигрантах, покинувших Россию в годы революции и Гражданской войны. Понятно, что именно эта волна сформировала за рубежом альтернативную русскую культуру, отстроила ее институты и внесла значительный вклад в развитие культуры мировой. Отдельными фигурами первой волны занимаются самые разные специалисты: свой вклад в эмигрантику вносят литературоведы, изучающие эмигрантское творчество И.А. Бунина или Д.С. Мережковского,

творчество Б.К. Зайцева или И.С. Шмелева; историки философии, специализирующиеся на работах Н.А. Бердяева или И.А. Ильина, Льва Шестова или С.Л. Франка; искусствоведы, изучающие творчество С.М. Лифаря, С.И. Шаршуна или архитектора Н.П. Краснова; историки, реконструирующие биографии барона П.Н. Врангеля или великого князя Николая Николаевича младшего. Все это частично входит в эмигрантику, формируя ее многообразие. Есть темы, целиком инкорпорированные в эмигрантику: например, реконструкция деятельности РОВСа или Земгора за границей, Литературного фонда в Нью-Йорке или какого-нибудь эмигрантского издательства относится к эмигрантике напрямую. По сути, «эмигрантскими» оказываются и любые литературоведческие темы, связанные с поэтами и писателями, литературными критиками, начавшими карьеру уже в эмиграции: Г.И. Газдановым, Б.Ю. Поплавским, В.С. Варшавским. Еще органичнее для эмигрантики междисциплинарные исследования, ориентированные на воссоздание русской культурной среды 1920–1930-х гг. в ряде европейских городов и элементарного быта эмиграции. Или исследования «горизонтальных связей» между писателями (например, если проследить сходные черты в поэтиках И.А. Бунина и Д.С. Мережковского, Георгия В. Иванова и В.Ф. Ходасевича, несмотря на всю их разность, можно увидеть некоторую идеологическую общность, характерную для всей русской эмиграции 1920–1930-х гг.), дружеских и творческих связей между деятелями разных искусств (например, роль С.М. Лифаря в литературной жизни эмиграции или идейная подоплека эмигрантской дружбы Бунина с С.В. Рахманиновым и его семьей), творческих взаимосвязей представителей искусства, науки и философии (например, тесные связи Бунина с академиком Н.П. Кондаковым или академиком М.И. Ростовцевым; родственная и идейная близость Бунина с Львом Шестовым или И.А. Ильиным).

Глобализация предмета эмигрантики ведет нас от обособленных тем, сконцентрированных на отдельных персонах, к темам, ориентированным на процессы и взаимосвязи, на историю быта и историю идей, а также органические связи одного и другого. Отмеченное смещение исследовательского дискурса от персон первого ряда к эмигрантам, менее известным, чем Бунин или Лифарь, маркирует движение в этом направлении. Внимательное изучение младшего поколения первой эмиграции, как правило (за редким исключением), не имевшего яркой литературной или артистической карьеры, тоже свидетельствует о понимании исследователями новых задач. Изучение эдиционной практики эмиграции, истории периодических из-

даний и издательств работает на изучение эмиграции как идейной и культурной общности, единого социума в условиях зарубежья.

Значительно менее изучена вторая волна русской эмиграции XX в. — жизнь и творчество тех, кто покинул Россию в ходе Второй мировой войны. Как известно, вторая эмиграция не была столь значимой в плане художественного творчества, как первая. Основным дискурсом ее изучения изначально стал дискурс исторический: о многих персонах, составляющих вторую волну, не было элементарной биографической информации⁸. Вторым важным дискурсом стал дискурс институциональный: именно вторая эмиграция сформировала новые эмигрантские институты (такие как журнал «Грани» или радио «Освобождение», в дальнейшем — «Свободная Европа» или «Свобода»). Творчество крупнейших поэтов и прозаиков второй волны до сих пор изучено весьма поверхностно. Проблема здесь, как кажется, большей частью методологическая. Поскольку почти все крупные фигуры этого литературного поколения по традиционным литературоведческим меркам не могут претендовать на первостепенное значение, их творчество приходится описывать в парадигме «литератор второго плана». Но эта парадигма предполагает ориентированность литератора на ту или иную фигуру первого плана, а таковых во второй эмиграции нет. Творческая тяга к литературным кумирам — в первую очередь к И.А. Бунину — в данном случае не играет роли. Другая проблема — политического толка. Многие авторы второй волны долгое время по тем или иным причинам считались в СССР коллаборационистами. Несмотря на то, что с большинства из них в 1990-е гг. это обвинение было снято, идеи, которые обнаруживаются в их текстах, многим читателям и сегодня кажутся близкими коллаборационизму. Российское литературоведение, по сути, никогда еще не сталкивалось с таким вызовом: дать описание творческих биографий и произведений, варьирующих идеи, во многом чуждые современному широкому читателю, да и научному читателю тоже. Для этого требуется серьезный методологический прорыв. Таким образом, поэтика литературы второй эмиграции изучена недостаточно; изучение истории второй эмиграции по политическим причинам тоже продвигается медленнее, чем хотелось бы.

⁸ Надо сказать, что историческая реконструкция биографий играла и продолжает играть важную роль и в изучении первой эмиграции. Например, еще 20 лет назад мы практически ничего не знали об отношениях Бунина и Г.Н. Кузнецовой. О жизни многих менее известных эмигрантов первой волны мы до сих пор не имеем исчерпывающей информации и собираем ее по крупицам.

Еще менее изучено взаимодействие между первой и второй эмиграцией. Работ, освящающих эту драматическую историю (поначалу первая эмиграция, значительно поредевшая после Второй мировой войны, встретила вторую эмиграцию враждебно: в них видели прежде всего советских людей, пусть и убежавших от Сталина. Однако в дальнейшем некий диалог налачился), практически не существует. Сведения на этот счет мы черпаем из научной литературы, посвященной отдельным личностям второй эмиграции, но анализ общей ситуации практически не проводился. Не исследованы механизмы преемственности, которые так или иначе работали при передаче эстафеты от эмиграции первой к эмиграции второй: постепенно во всех эмигрантских институтах оказались рядом дети первой эмиграции (или самые юные представители молодого поколения первой волны: как, например, З.А. Шаховская, многолетний главный редактор парижской газеты «Русская мысль») и представители второй эмиграции. Эмигрантике, надо отметить, вообще не хватает обобщающих и теоретических работ, а история второй эмиграции в этом отношении смотрится еще беднее, чем история первой.

Совсем плохо обстоит дело с изучением третьей эмиграции — тех поколений советских граждан, что по идейным соображениям покинули СССР в 1970–1980-е гг. Состав третьей эмиграции был во многом столь же звездным, как и состав эмиграции первой. Однако внимание к эмигрантам этой поры продолжалось лишь то время, пока они были успешны и живы. Исследования творчества Владимира Максимова, В.П. Аксенова, А.А. Зиновьева, Эдуарда Лимонова и многих других практически прекратились после их смерти. Особое место в персоналии третьей волны занимают И.А. Бродский и С.Д. Довлатов, но изучаются они не столько изнутри эмигрантской жизни, сколько отдельно от нее. Еще более исключительным явлением представляются штудии в области творчества А.И. Солженицына. Однако третья эмиграция в целом, выросшая из диссидентского движения в СССР, представляла собой мощное духовное единство — несмотря на идейные и творческие расхождения (представлявшиеся значительными современникам, но сегодня кажущиеся несущественными). Быт третьей эмиграции знаком нам еще меньше, чем быт эмиграции первой волны, а идейные и творческие объединения, стремящиеся сделать то, чего нельзя было в СССР, давали порой весьма любопытные результаты.

Не исследована и связь третьей эмиграции с представителями первых двух волн. Оказавшись на Западе, эмигранты третьей волны неизбежно должны были встраиваться в те структуры, которые

были созданы после Второй мировой войны совместными усилиями остатков первой эмиграции и эмиграцией второй. Или хотя бы постигать те культурные смыслы, которые бытовали в эмигрантской среде в течение нескольких десятилетий, но были совершенно чужды советскому поколению «оттепели». В той или иной форме отказываться от советских идеологических стереотипов.

Не следует забывать, что многим из представителей третьей волны удалось создать собственные печатные издания (журнал Владимира Максимова «Континент», швейцарское издательство “L’Age d’homme”, сделавшее тексты А.А. Зиновьева своей визитной карточкой, журнал А.Д. Синявского — М.В. Розановой «Синтаксис», газета «Новый американец», некоторое время издававшаяся под редакцией С.Д. Довлатова, и многие другие). Эти новые институты интересуют нас и с точки зрения организационной (от поиска финансирования до формирования штата сотрудников), и с точки зрения новаторских идей, определивших лицо издания. Это был второй расцвет альтернативной русской культуры, который лишь приблизительно присутствует сегодня в русской исторической памяти. Эмигрантика призвана заполнить и эти исторические пробелы.

Совершенно девственным кажется поле изучения русской эмиграции третьей волны во взаимодействии с эмиграциями из стран социалистического лагеря. Журнал «Континент» дает нам интересные примеры идейно-художественных пересечений российско-го антисоветского движения с антисоветским движением в польской, чешской, словацкой, болгарской культурах, культурах народов Югославии. Переводы (нередко авторизованные) польских, чешских, болгарских, югославских и прочих текстов на русский язык, выполненные специально для «Континента», формировали новое славянское (а иногда не только славянское, а шире — восточноевропейское, с участием Албании, Румынии и ГДР) единство в борьбе с коммунистической идеологией. Это единство (после крушения коммунизма моментально утерянное, сменившееся где-то национально ориентированными движениями, а где-то гонкой попадания в западно-европейские политические структуры) почти не исследовалось и не получало научных оценок. Исключительная важность и актуальность исследований такого рода не подлежат сомнению.

Намеченная тематика будущих работ подводит нас к эмигрантике в широком значении термина. Теория эмигрантики, как и сравнительное изучение эмиграций разных периодов и разных национальных традиций, развита недостаточно. Русскую эмиграцию XX в. предстоит рассмотреть на фоне традиций русской политической

эмиграции второй половины XIX столетия (от А.И. Герцена до зарубежной деятельности социал-демократов), а также на фоне значимой волны политико-культурной эмиграции в период 1906–1907 гг. Собственно, основные формы жизни русской эмиграции, а также формы идейной полемики с властью метрополии (как в политической сфере, так и в области культуры) складывались в этот период. Некоторые будущие деятели русского зарубежья получили свой первый эмигрантский опыт именно тогда, Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус в их числе (см. также помещенную в настоящем выпуске работу М.В. Строганова, в которой рассмотрен феномен Н.С. Русанова, объединившего в своей биографии политическую эмиграцию конца XIX в. с антибольшевистской политической эмиграцией после 1917 г.). Так русское зарубежье XX в. оказывается встроенным в исторический ряд русской политической эмиграции. Другой, значительно более исследованный ряд⁹, в контексте которого следует рассматривать русскую эмиграцию XX в., — это цепочка национальных эмиграций из Российской империи. С одной стороны, может показаться, что это явления разного порядка. Но сущностно они весьма близки: национальные эмиграции были вызваны сложностью жизни меньшинств, ущемляемых в правах по национальному признаку; после 1917 г. в положение ущемленного меньшинства попала вся российская интеллигенция и все сословия, кроме низшего. Типологически объяснимо и другое сопоставление, пока не получившее должного развития: сравнение русского исхода конца 1910-х — начала 1920-х гг. с религиозной эмиграцией из Российской империи сект и «иноверцев». Одной из предпосылок русского исхода стала сложность (и даже опасность) исповедовать православие. И вновь сущностно православное население бывшей империи оказалось в позиции утесняемых по религиозному признаку (отличие от дореволюционной ситуации заключалось в том, что и все прочие конфессии подвергались такому же утеснению, а в роли исповедующих государственную религию оказались атеисты). Исход религиозных деятелей, священников и их прихожан, а также институциональное оформление зарубежной русской церкви (проходившее, как известно, с большими трудностями) — разумеется, значительно более сложный процесс, чем, например, эмиграция духовоборов в Канаду в начале XX в., однако типологическое сопоставление столь разных исходов вполне возможно.

⁹ См. выше подробный разбор научной серии ИМЛИ РАН «Литературное зарубежье».

Сопоставления такого рода подводят к эмигрантике в глобальном значении — пока наименее развитому, но наиболее перспективному разделу нашей научной дисциплины. В первую очередь, русское зарубежье следует рассмотреть в ряду больших европейских эмиграций XVIII–XX вв., вызванных политическими катаклизмами. На этом фоне четче выступают типологические черты русской эмиграции, станут яснее ее причины и механизмы формирования эмигрантских институтов. Так, например, поддержка русской эмиграции королевским двором Югославии может быть сопоставлена с поддержкой французской эмиграции конца XVIII в. правительством Екатерины II. Меры государственной поддержки эмигрантов в разные периоды, виды поддержки от частных лиц, вопросы финансирования эмигрантских институтов тоже могут стать темой глобального исследования. Интересно сопоставить, как эмиграции разных времен продолжали политическую борьбу вне родины. Особенно интересный момент — формирование и бытование эмигрантских идеологий.

Дело в том, что эмиграция принципиально отказывается от той политической доктрины, которая торжествует в данный момент в стране исхода. Она формирует анти-доктрину и развивает ее. Однако при этом она ведет постоянную полемику с доктриной метрополии, подвергаясь сильнейшему ее влиянию. Так или иначе, эмигрантские политические доктрины обречены на принципиальную вторичность, так как всегда следуют за политической доктриной метрополии. Вполне возможно, что на каком-то этапе в эмиграции обязательно формируются влиятельные течения, отрицающие эмигрантскую анти-доктрину и ориентирующиеся на новые доктрины метрополии. Идейная борьба таких переродившихся эмигрантов с эмигрантскими властями дум может стать очень острой. Кроме того, скрытые (или бытовые) идеологии эмиграции (идеологические представления отдельных групп о плохом и хорошем, должном и допустимом и т. д.) почти всегда укоренены в прежнем, доэмигрантском быте, развиваются бытовые идеологии чрезвычайно медленно (значительно медленнее политических доктрин) и влияют некоторыми своими чертами на политические декларации. С течением времени в эмигрантской среде (особенно молодежной) возникает чувство отставания эмиграции как от метрополии, так и от окружающей эмиграцию жизни и культуры.

Взаимодействие эмиграции с обществом, культурой, языком и т. п. страны пребывания представляет собой не менее важную антропологическую проблему. Причины, по которым одни эмигрант-

ские сообщества быстро ассимилируются, а у других эмигрантских сообществ уходит на ассимиляцию несколько поколений, изучены недостаточно. Особенно интересной может оказаться эта проблема во взаимодействии социологического и культурологического подхода.

Не менее интересной может стать типология эмигрантских «возвращений», которая еще совершенно не выстроена. Какие-то эмиграции имеют «возвращение» (возможность вернуться на родину через несколько лет), какие-то эмиграции «возвращения» не имеют вовсе, у каких-то эмиграций момент «возвращения» наступает лишь через несколько поколений. Как проходит «возвращение» в разных случаях, каковы механизмы ассимиляции эмигрантов на территории страны, воспринимаемой ими как родная, — открытый вопрос, как практически и все касающееся «возвращения». Соотношение реального возвращения и символического возвращения — еще одна важная потенциальная тема для эмигрантики всех уровней, так как и русская и национальные эмиграции предоставляют богатый материал для его изучения.

Мы нарисовали широкие перспективы развития эмигрантики, которая пока лишь подошла к осмыслению собственной роли в рамках общенаучной парадигмы. Полагаем, что осознание необходимости выделения эмигрантики в отдельную научную дисциплину, а также расширения ее междисциплинарности, привлечения новых групп специалистов (антропологов, этнологов, этнолингвистов) для решения новых задач, наряду с укрупнением задач традиционного плана, успешно решаемых историками, историками литературы и историками философии, приведут в самые ближайшие годы к формированию теоретической базы новой науки и ее существенному развитию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

1. Аверин Б.В., Арьев А.Ю., Баршт К.А. и др. Литература русского зарубежья (1920–1940): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 845 с.
2. Агеносов В.В. Литература русского зарубежья. М.: Терра. Спорт, 1998. 540 с.
3. Азаров Ю.А. Диалог поверх барьеров: Литературная жизнь русского зарубежья: Центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М.: Совпадение, 2005. 335 с.
4. Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского Зарубежья. СПб.: Гиперион, 2003. 296 с.
5. Демидова О.Р. Изгнание как посланье: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб.: Русская культура, 2015. 348 с.
6. Дипийцы: Материалы и исследования / под ред. П.А. Трибунского. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2021. 541 с.
7. Д.С. Мережковский: мысль и слово: Материалы Международной конференции, март 1991 г. / под ред. В.А. Келдыша и др. М.: Наследие, 1999. 347 с.
8. Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования / ред.-сост. Н.В. Королева. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 382 с.
9. И.А. Бунин и его время: Контексты судьбы — история творчества / отв. ред.-сост. Т.М. Двинятина, С.Н. Морозов, ред. А.В. Бакунцев, Е.Р. Пономарев. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 1040 с. (Серия: Академический Бунин. Вып. 3)
10. И.А. Бунин и русская литература XX в.: По материалам Международной научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения И.А. Бунина. М.: Наследие, 1995. 269 с.
11. Исторический сборник «Память». Исследования и материалы / сост. и коммент. Б. Мартин, А. Свешников. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 398 с.
12. Казнина О.А. Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М.: Наследие, 1997. 413 с.
13. Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940: в 2-х кн. / под ред. Е.П. Чельшева, Д.М. Шаховского. М.: Наследие, 1994. 515 с.
14. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / сост. и отв. ред. О.Н. Михайлов. М.: Наследие; Наука, 1993. Вып. 1. 336 с.

15. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / отв. ред. О.Н. Михайлов. М.: ИМЛИ — Наследие, 1999. Вып. 2. 327 с.
16. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Вып. 3. 592 с.
17. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 4. 338 с.
18. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. Ю.А. Азаров. М.: ИМЛИ РАН, 2013. Вып. 5. 541 с.
19. Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: Наследие, 2000. 246 с.
20. Литературное зарубежье: национальная литература — две или одна? / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 191 с.
21. Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Вып. 3. 192 с.
22. Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2007. Вып. 4. 204 с.
23. Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2008. Вып. 5. 216 с.
24. Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2012. Вып. 6. 191 с.
25. Литературное зарубежье: Лица. Книги. Проблемы / отв. ред. Ю.Я. Барабаш. М.: ИМЛИ РАН, 2015. Вып. 7–8. 445 с.
26. Матвеева Ю.В. Русская литература зарубежья: Три волны эмиграции XX в.: Учебно-методическое пособие для студентов. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. 90 с.
27. Михайлов О.Н. Иван Алексеевич Бунин: очерк творчества. М.: Наука, 1967. 174 с.
28. Пономарев Е.Р. Как И.А. Бунин оказался красным? (По материалам парижской прессы 1946–1947 годов) // Русская литература. 2018. № 4. С. 202–208. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-202-208
29. Пономарев Е.Р. Парадигмы эмигрантского быта. Круг общения семьи Буниных и повседневная культура эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 2. История. 2016. № 1. С. 52–63.
30. Пономарев Е.Р. Преодолевший модернизм: Творчество И.А. Бунина эмигрантского периода. М.: Литфакт, 2019. 337 с. (Серия: Академический Бунин. Вып. 2)
31. Пономарев Е.Р. [Рец. на:] Леонид Андреев. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2006. № 1 (4). С. 158–161.

32. Пономарев Е.Р. Русская литература XX в.: 20–30-е гг.: Учебное пособие. СПб.: Изд. СПбГИК, 2016. 151 с.
33. Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / под ред. М. Шрубы и О.А. Коростелева. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 652 с.
34. Русский Китай и дальний Восток: Поэзия, проза, свидетельства / под ред. И.В. Силантьева, Е.В. Капинос, И.Е. Лощилова. СПб.: Алетейя, 2020. 364 с.
35. С двух берегов: Русская литература XX в. в России и за рубежом / под ред. Р. Дэвиса, В.А. Келдыша. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 822 с.
36. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О.А. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011–2014.
37. Творчество И.А. Бунина в историко-литературном контексте (Биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О.А. Коростелев, С.Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. 896 с. (Серия: Академический Бунин. Вып. 1)
38. Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX в. / под ред. О.Н. Михайлова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: Наследие, 1999. 345 с.
39. Шруба М. Словарь псевдонимов русского зарубежья в Европе (1917–1945). М.: Новое литературное обозрение, 2018. 1064 с.

Источники

40. Аверченко А.Т. Рассказы (юмористические): в 2 т. / под ред. Д.Д. Николаева. М.: Ладомир, 2021. 604 с. (Серия: Литературные памятники)
41. Андреев Л. S.O.S.: Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919) / под ред. Р. Дэвиса и Б. Хеллмана. М.; СПб.: Atheneum-Феникс, 1994. 598 с.
42. Бельй А. Начало века / под ред. А.В. Лаврова. Берлинская ред. (1923). СПб.: Наука, 2014. 1063 с. (Серия: Литературные памятники)
43. И.А. Бунин: Новые материалы / сост. О.А. Коростелев, Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2004. Вып. 1. 580 с.
44. И.А. Бунин: Новые материалы / сост. О.А. Коростелев, Р. Дэвис. М.: Русский путь, 2010. Вып. 2. 536 с.
45. И.А. Бунин: Новые материалы / науч. ред. О.А. Коростелев, Р. Дэвис, сост., подгот. текста, науч. аппарат Е.Р. Пономарева и Р. Дэвиса, сопроводит. ст. Е.Р. Пономарева. М.: Русский путь, 2014. Вып. III: «...Когда переписываются близкие люди»: Письма И.А. Бунина, В.Н. Буниной, Л.Ф. Зурова к Г.Н. Кузнецовой и М.А. Степун 1934–1961. 714 с.

46. Иванов В.И. Повесть о Светомире царевиче / изд. подг. А.Л. Топорков и др., отв. ред. А.Б. Шишкин. М.: Ладомир: Наука, 2015. 824 с. (Серия: Литературные памятники)
47. Ремизов А.М. Кукха. Розановы письма / под ред. Е.Р. Обратиной. СПб.: Наука, 2011. 609 с. (Серия: Литературные памятники)
48. Северянин И. Громокипящий кубок; Ананасы в шампанском; Соловей: Классические розы / под ред. В.Н. Терехиной, Н.И. Шубникова-Гусевой. М.: Наука, 2004. 882 с. (Серия: Литературные памятники)
49. Северянин И. Громокипящий кубок; Ананасы в шампанском; Соловей: Классические розы / изд. подг. В.Н. Терехина, Н.И. Шубникова-Гусева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 2017. 882 с. (Серия: Литературные памятники)
50. Толстой А.Н. Хожение по мукам: главы I–XLIII / ст., примеч. Г.Н. Воронцова. М.: Наука, 2012. 476 с. (Серия: Литературные памятники)

REFERENCES

1. Averin, B.V., Ar'ev A.Iu., Barsht K.A. et al. *Literatura russkogo zarubezh'ia (1920–1940): uchebnik dlia vysshikh uchebnykh zavedenii Rossiiskoi Federatsii* [Russian Émigré Literature (1920–1940): Textbook]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2013. 845 p. (In Russian)
2. Agenosov, V.V. *Literatura russkogo zarubezh'ia* [Russian Émigré Literature]. Moscow, Terra. Sport Publ., 1998. 540 p. (In Russian)
3. Azarov, Iu.A. *Dialog poverkh bar'erov: Literaturnaia zhizn' russkogo zarubezh'ia: Tsentry emigratsii, periodicheskie izdaniia, vzaimosviazi (1918–1940)* [Dialogue Across Barriers: The Literary Life of the Russian Diaspora (1918–1940)]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2005. 335 p. (In Russian)
4. Demidova, O.R. *Metamorfozy v izgnanii: Literaturnyi byt russkogo Zarubezh'ia* [Metamorphoses in Exile: Literary Life of the Russian Emigration]. St. Petersburg, Giperion Publ., 2003. 296 p. (In Russian)
5. Demidova, O.R. *Izgnan'e kak poslan'e: estezis i etos russkoi emigratsii* [Exile as a Message: Esthesis and Ethos of Russian Emigration]. St. Petersburg, Russkaia kul'tura Publ., 2015. 348 p. (In Russian)
6. Tribunskii, P.A., editor. *Dipiitsy: Materialy i issledovaniia* [Displaced People: Materials and Research]. Moscow, Aleksandr Solzhenitsyn Center for Russia Abroad Publ., 2021. 541 p. (In Russian)
7. Keldysh, V.A. et al., editors. *D.S. Merezhkovskii: mysl' i slovo: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, mart 1991 g.* [Dmitrii Merezhkovskii: Thought and Word: Proceedings of the International Conference, March 1991]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 347 p. (In Russian)
8. Zinaida Nikolaevna Gippius. *Novye materialy. Issledovaniia* [Zinaida Gippius.

- New Materials. Research*], ed.-comp. N.V. Koroleva. Moscow, IWL RAS, 2002. 382 p. (In Russian)
9. I.A. Bunin i ego vremia: Konteksty sud'by — istoriia tvorchestva [*Ivan Bunin and His Time: Contexts of Fate and the History of Works*], ed.-comp. by T.M. Dviniatina, S.N. Morozov, ed. by A.V. Bakuntsev, E.R. Ponomarev. Moscow, IWL RAS Publ., 2021. 1040 p. (In Russian)
 10. I.A. Bunin i russkaia literatura XX v.: Po materialam Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 125-letiiu so dnia rozhdeniia I.A. Bunina [*Ivan Bunin and Russian Literature of the 20th Century: Materials of the International Scientific Conference Dedicated to the 125th Anniversary of the Birth of Ivan Bunin*]. Moscow, Nasledie Publ., 1995. 269 p. (In Russian)
 11. Istoricheskii sbornik "Pamiat". Issledovaniia i materialy [*Historical collection "Memory". Research and materials*], comp. and comment. by B. Martin, A. Sveshnikov. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 398 p. (In Russian)
 12. Kaznina, O.A. Russkie v Anglii: Russkaia emigratsiia v kontekste russko-angliiskikh literaturnykh sviazei v pervoi polovine XX v. [*Russians in England: Russian Emigration in the Context of Russian-English Literary Relations in the First Half of the 20th Century*]. Moscow, Nasledie Publ., 1997. 413 p. (In Russian)
 13. Chelyshev, E.P., and D.M. Shakhovskii, editors. Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii: 1917–1940: v 2-kh kn. [*Cultural Heritage of the Russian Emigration: 1917–1940: in 2 vols.*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994. 515 p. (In Russian)
 14. Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940 [*Russian Émigré Literature (1920–1940)*], vol. 1, comp. and ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, Nasledie Publ., Nauka Publ., 1993. 336 p. (In Russian)
 15. Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940 [*Russian Émigré Literature (1920–1940)*], vol. 2, ed. by O.N. Mikhailov. Moscow, IWL RAS Publ., Nasledie Publ., 1999. 327 p. (In Russian)
 16. Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940 [*Russian Émigré Literature (1920–1940)*], vol. 3, ed. by O.N. Mikhailov, Iu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 592 p. (In Russian)
 17. Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940 [*Russian Émigré Literature (1920–1940)*], vol. 4, ed. by O.N. Mikhailov, Iu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 338 p. (In Russian)
 18. Literatura russkogo zarubezh'ia, 1920–1940 [*Russian Émigré Literature (1920–1940)*], vol. 5, ed. by O.N. Mikhailov, Iu.A. Azarov. Moscow, IWL RAS Publ., 2013. 541 p. (In Russian)
 19. Literaturnoe zarubezh'e: problema natsional'noi identichnosti [*Literary Emigration: The Problem of National Identity*], ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, Nasledie Publ., 2000. 246 p. (In Russian)

20. *Literaturnoe zarubezh'e: natsional'naia literatura — dve ili odna?* [Literary Emigration: National Literature — Two or One?], ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 191 p. (In Russian)
21. *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary Emigration: Persons. Books. Problems], vol. 3, ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2005. 192 p. (In Russian)
22. *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary Emigration: Persons. Books. Problems], vol. 4, ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2007. 204 p. (In Russian)
23. *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary Emigration: Persons. Books. Problems], vol. 5, ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2008. 216 p. (In Russian)
24. *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary Emigration: Persons. Books. Problems], vol. 6, ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2012. 191 p. (In Russian)
25. *Literaturnoe zarubezh'e: Litsa. Knigi. Problemy* [Literary Emigration: Persons. Books. Problems], vol. 7–8, ed. by Iu.Ia. Barabash. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 445 p. (In Russian)
26. Matveeva, Iu.V. *Russkaia literatura zarubezh'ia: Tri volny emigratsii XX v.: Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov* [Russian Émigré Literature: Three Waves of Emigration: a Textbook]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2017. 90 p. (In Russian)
27. Mikhailov, O.N. *Ivan Alekseevich Bunin: Ocherk tvorchestva* [Ivan Alekseevich Bunin: Essay on Creativity]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 174 p. (In Russian)
28. Ponomarev, E.R. “Kak I.A. Bunin okazalsia krasnym? (Po materialam parizhskoi pressy 1946–1947 godov)” [“How Did Ivan Bunin Become Red? (According to the Materials of the Parisian Press in 1946–1947)”]. *Russkaia literatura*, no. 4, 2018, pp. 202–208. DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-202-208 (In Russian)
29. Ponomarev, E.R. “Paradigmy emigrantskogo byta. Krug obshcheniia sem'i Buninykh i povsednevnaia kul'tura emigratsii” [“Paradigms of Emigrant Life. The Circle of Friends of the Bunin Family and the Everyday Culture of Emigration”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 2. Istorii*, no. 1, 2016, pp. 52–63. (In Russian)
30. Ponomarev, E.R. *Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I.A. Bunina emigrantskogo perioda* [Overcoming Modernism: Works of Ivan Bunin of the Emigrant Period]. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 337 p. (In Russian)
31. Ponomarev, E.R. “Leonid Andreev. S.O.S. Dnevnik (1914–1919). Pis'ma (1917–1919). Stat'i i interv'iu (1919). Vospominaniia sovremennikov (1918–1919)” [“Leonid Andreev. S.O.S. Diary (1914–1919). Letters (1917–1919). Articles and Interviews (1919). Memoirs of Contemporaries (1918–1919)”].

- Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i isskustv*, no. 1 (4), 2006, pp. 158–161. (In Russian)
32. Ponomarev, E.R. *Russkaia literatura XX v.: 20–30-e gg.: Uchebnoe posobie* [Russian Literature of the 20th Century: 20–30s: a Textbook]. St. Petersburg, St. Petersburg State Institute of Culture Publ., 2016. 151 p. (In Russian)
33. *Pseudonimy russkogo zarubezh'ia: Materialy i issledovaniia* [Pseudonyms of the Russian Emigration: Materials and Research], ed. by M. Shruba, O.A. Korostelev. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2016. 652 p. (In Russian)
34. *Russkii Kitai i Dal'nii Vostok: Poeziia, proza, svidetel'stva* [Russian China and the Far East: Poetry, Prose, Evidence], ed. by I.V. Silant'ev, E.V. Kapinos, I.E. Loshchilov. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2020. 364 p. (In Russian)
35. *S dvukh beregov: Russkaia literatura XX v. v Rossii i za rubezhom* [From Two Shores: Russian Literature of the 20th Century in Russia and Abroad], ed. by R. Davies, V.A. Keldysh. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 822 p. (In Russian)
36. “*Sovremennye zapiski*” (Parizh, 1920–1940). *Iz arkhiva redaktsii: v 4 t.* [“Modern Notes” (Paris, 1920–1940). From the Editorial Archive: in 4 vols.], ed. by O.A. Korostelev, M. Shruba. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2011–2014. (In Russian)
37. *Tvorchestvo I.A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (Biografiia, istochnikovedenie, tekstologiiia)* [Ivan Bunin's Works in the Historical and Literary Context (Biography, Source Study, Textual Criticism)], ed.-comp. O.A. Korostelev, S.N. Morozov. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 896 p. (In Russian)
38. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkii literaturnyi protsess pervoi poloviny XX v.* [Nadezhda Teffi's Works and the Russian Literary Process in the First Half of the 20th Century], ed. by O.N. Mikhailov, D.D. Nikolaev, E.M. Trubilova. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 345 p. (In Russian)
39. Shruba, M. *Slovar' pseudonimov russkogo zarubezh'ia v Evrope (1917–1945)* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Emigration in Europe (1917–1945)]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2018. 1064 p. (In Russian)

Дата поступления статьи: 21 сентября 2021 г.

Дата одобрения рецензентами: 12 августа 2022 г.

Дата публикации: 07 октября 2024 г.

Received: September 21, 2021

Approved: August 12, 2022

Date of publication: October 07, 2024